

Л. Д. Райгородский

ДВА РИСУНКА ПИТЕРА БРЕЙГЕЛЯ

Замечательный нидерландский художник Питер Брейгель Старший (1525–1569) был автором множества рисунков. Некоторые его рисунки искусствоведы и историки искусства называют загадочными и странными. Это связано с тем, что во многих случаях Питер Брейгель в своем творчестве прибегал к иносказанию, к метафоре, к символике. Поэтому интерпретация таких его произведений неоднозначна, но чрезвычайно интересна.

Мы предлагаем посмотреть и проанализировать два рисунка Брейгеля: «Эльк» и «Пчеловоды».

1. «Эльк»

Сейчас мы обратимся к знакомству с очень интересным и сложным рисунком Питера Брейгеля под названием «Эльк» (1558 г., 210 × 293 мм). Этот рисунок повествует об одном удивительном виде человеческой слепоты (рис. 1). Бородатый человек в колпаке и в очках что-то ищет. Это Эльк. В переводе Elck — Каждый. Несмотря на то что действие происходит в дневное время, он — Эльк, олицетворяющий каждого, т. е. любого из нас, светит себе фонарем. Поиск чего-то с зажженным фонарем при ярком дневном свете — есть ли более откровенный признак слепоты. А очки —

Рис. 1. Рисунок Питера Брейгеля “Elck” («Каждый»).

Райгородский Леонид Дмитриевич — профессор, Санкт-Петербургский государственный университет; e-mail: raigor-spb@mail.ru

© Л. Д. Райгородский, 2013

традиционный в изобразительном искусстве того времени символ глупости — усиливают и уточняют диагноз: слепота или слабость зрения, быть может, настоящая физическая, плотская, отягощена слепотой умственной, духовной.

Все внимание Элька безраздельно сконцентрировано на поиске ...

Скрупулезность и педантичность его действий завораживают. Эльк что-то ищет всюду: на поверхности земли прямо перед собой, в бочке, в корзине, в мешке, у палатки военного лагеря, у церкви. Тщательный и, вероятно, неоднократно повторявшийся поиск нарушил порядок и спокойствие. Многие предметы и вещи были внимательно просмотрены и ощупаны, но не удовлетворили цель поиска и были с раздражением брошены. В ненужный хлам обратились шахматная доска, весы, кувшин, игральные кости, мешки, свертки и другие вещи.

Изображенные одинаковые эльки — это не разные люди, а все один и тот же человек.

И здесь надо учесть, что, изучая предметы искусства, не всегда уместно увиденное трактовать буквально. Язык искусства талантливых художников, как правило, очень богат и содержателен, не всегда однозначен и нередко обогащался метафорами и условностями.

Брейгель, изобразив восемь одинаковых людей, занятых поиском в самых разных местах сумел показать, что даже один человек в своем суетном и суматошном поиске может создать что-то похожее на муравейник — муравейник эльков. Размножившись и многократно повторившись в тождественных эльках, сам Эльк потерялся. Рябит в глазах, и мы не можем выбрать и остановить свой взгляд на каком-нибудь одном из этих одинаковых эльков, образовавших маленькую, но заполнившую все пространство стаю (толпу).

Мы перестаем понимать смысл происходящего ...

В одинаковости, в полном и беспощадном равенстве эльков личность утрачивается, и это уже не разные люди, а какой-то прозрачный раствор, в котором сам человек растворяется и перестает видеть самого себя: где я, а где уже не я?, чье это платье — мое или не мое?, и чье это мнение — мое или кого-то другого?

Так не себя ли самого ищет Эльк?

На правой стороне рисунка изображены два элька, которые перетягивают друг у друга — то есть Эльк у самого себя — бесконечно длинную ленту. Не символ ли это мучительных внутренних противоречий, раздирающих человеческую душу? Неразрешенные конфликты с самим собой, сомнения, сделки с совестью образуют бесконечную ленту-свиток, в котором воплотилась история прожитой человеком (эльком) жизни. И как часто каждый из нас мысленно перетягивает эту ленту так, чтобы оправдать свои поступки, найти аргументы, которые снимут в нашей торговле с самим собой грех и тяжесть с души. Длинная и не везде гладкая и ровная, но прочная в непоправимости лента наших поступков, мыслей и желаний — свиток истории нашей жизни.

Поэтому правомерен вопрос: не изобразил ли здесь Брейгель поиска Эльком согласия с самим собой?

И как подтверждение этих догадок — надпись на картине, висящей над противоборствующими эльками. Она гласит: «Никто не знает самого себя». На самой же картине изображен человек, стоящий рядом с грудой разбросанных и сломанных вещей (можно догадаться, что это результат поиска). Он смотрит в зеркало на свое

лицо. Он хочет увидеть, а значит, и узнать самого себя. Но лицо в зеркале — это всего лишь отражение — хрупкая зрительная иллюзия. Может ли она дать правдивый, достоверный и объективный ответ? Буквы у головы человека складываются в надпись, которая зеркально (справа-налево, т. е. «наоборот») читается: Nemo — Никто. Заметим, что изображенный человек прочтет надпись «нормально», слева-направо. Это означает, что она обращена к нам из того — иного пространства, в котором глядящий в зеркало человек все разрушил, но ничего не нашел. То есть оттуда нам дан ответ на усилия проведенного поиска: Elck — Nemo, **каждый** — **никто** в бессмысленном поиске самого себя не в себе самом, не в своем внутреннем мире. Человек может найти себя только в своих мыслях, в своем творчестве, в своей работе, где он создает реальные, настоящие жизненные ценности, а не во множестве каких-то предметов, разбросанных в пространстве мира.

Каждый бессмысленно ищущий в массе таких же ищущих утрачивает индивидуальность и возникает орда одинаковых неразличимых «каждых». Погляди на себя в зеркало: есть ли уверенность в том, что увидишь, узнаешь, найдешь свою личность? Ведь увидеть себя среди других — это отличить! Отличить одного от другого можно только тогда, когда их действия, их творчество, их мысли различны. Одинаковость лишает нас видения, делает нас незрячими для себя и для таких же, как мы неразличимых других. А потому даже слово **другой** здесь неуместно, и может быть названо только общее имя — Эльк — Каждый. В бессмысленном и безнадежном поиске незнамо чего со свечой, при дневном свете, в очках, мы все становимся одинаковыми — **каждыми**, и в этом поиске мы не находим, а теряем себя: Nemo — Никто.

Так стоит ли тратить жизнь на такой безрезультатный и никчемный поиск?

Не лучше ли заняться разгадками тайн, которыми так богат мир, или поисками того, в чем он так нуждается?

Не на это ли намекает Брейгель, показывая на переднем плане Элька как раз в тот момент, когда он перешагивает шар, стянутый обручами и увенчанный крестом? Шар, стянутый обручами и увенчанный крестом, был в Средние века и в эпоху Возрождения символом мира, Вселенной*. Зная это, мы видим, что в поисках самого себя Эльк не заметил, перешагнув, т. е. потерял, целый мир, который у него под ногами. Обратим внимание на важную деталь: в своей небрежности Эльк нанес утрату миру, которая обозначена рваной дырой, которую он пробил в нем, переходя с места на место в процессе долгого поиска. Такова цена странной и страшной слепоты...

Каждый из нас, к сожалению, тоже нередко превращается в Элька, когда не желает или теряет способность видеть мир под своими ногами. Тогда в своих суматошных поисках неведомо чего, мы перешагиваем через реальные предметы, факты, события, людей, и переносим себя в какой-то отвлеченный от всего искусственный, ненастоящий мир. И потому в рисунке Брейгеля ни одно лицо восьмикратного

* На картине Брейгеля «Нидерландские пословицы» у самого края картины слева к стене дома (постоялого двора или трактира) прикреплен кронштейн, на котором держится шар, стянутый обручами с крестом, направленным не вверх, а вниз. То есть так символически автором картины изображен мир «наоборот» — «вверх тормашками». А поскольку мы начинаем рассматривать картину слева направо, то этот символ следует рассматривать как предисловие или заголовок к изобразительному рассказу.

Рис. 2. Гравюра по рисунку Брейгеля «Эльк».

Элька не обращено к нам — зрителям, т. е. к нашему, реальному миру. Замкнутость в себе самом и в своем поиске себя абсолютна.

По рисунку Брейгеля «Эльк» была выполнена гравюра (рис. 2). В гравюре упростились содержание рисунка. Богатый и непростой смысл этого произведения Брейгеля буквально растолкован в надписях на гравюре. На полах кафтана каждого элька помечено Elck. (Этим, конечно, предупреждается возможная ошибка — принять восемь тождественных эльков не за одного Элька, а за восемь разных людей). Гравюра снабжена текстом на латинском языке и стихотворением на французском и фламандском языках, которое заканчивается так:

«Никто не знает себя, несмотря на поиски,
 Никакой свет не поможет ему в его одиночестве.
 Странно! Хотя он смотрит широко открытыми глазами,
 Он никогда не видит верно своего собственного лица»...

То есть здесь прямо заявлено: неразрешимое, страшное одиночество человека в безнадежном поиске самого себя становится его трагедией. Преодолеть это одиночество не дано никому. Сам же такой *поиск* не дает находки, а превращается в неоправдываемую *потерю*.

Таково горькое, но честное произведение Брейгеля «Эльк».

Надписи и текст на гравюре, к сожалению, столь прямолинейны, что почти лишают нас свободы как в формировании собственного суждения о смысле рисунка, так и сомнений в правильности нашего суждения. Однако, поскольку гравюры печатались во множестве экземпляров и адресовывались широкому кругу людей, то даваемая расшифровка и толкование рисунка были оправданными.

Тем не менее брейгелевскому рисунку «Елск» посвящены многочисленные исследования, где можно встретить догадки и гипотезы, как близкие высказанным выше, так и во многом иные. В этом можно увидеть реализацию очень важного права,

данного любому человеку, познакомиться с произведениями искусства и составить о них свое **собственное суждение** (собственное суждение, а не стандартное суждение каждого, т. е. элька).

Широта диапазона мнений и вариантов интерпретации произведения искусства говорит о глубине и содержательности самого произведения. Брейгель был тонким знатоком природы человека и внутренних мотивов его поведения и поступков, и, для того чтобы передать их средствами искусства, он использовал аллегории, символы и намеки. Поэтому его картины следует изучать внимательно, вдумчиво и бережно. Зритель должен обладать широким кругозором, способным вместить то необычное и незаурядное, чем богаты произведения Брейгеля. Простым искусство Брейгеля не является.

2. «Пчеловоды»

Одинаковость делает людей неразличимыми, а значит, невидимыми.

Эльк ищет и не находит себя среди ищущих неизвестно что тождественных ему эльков. И в этом его беда. Но люди могут сознательно делать себя одинаковыми — одинаковыми внешне — для того чтобы не быть узванными со стороны.

Посмотрим на рисунок «Пчеловоды», созданный около 1568 г. (203 × 309 мм), т. е. на один из последних рисунков Брейгеля (рис. 3). Изображена сцена на пасеке. Прямо перед нами стоят три пчеловода. А на втором плане (справа) изображен забравшийся на дерево человек с намерением разорить птичье гнездо, что подтверждается надписью в левом нижнем углу рисунка: «Все знают о том, кто знает, где гнездо; того, кто украл гнездо, называют». Никто из трех пчеловодов никакого внимания на разорителя не обращает. Пчеловоды заняты своим делом. Все ульи в одинаковых корзинах. И сами пасечники в одинаковых халатах. Их лиц не видно — они закрыты тоже одинаковыми плетеными из тонких прутьев масками. Брейгель несомненно умышленно изобразил маски пасечников точно такими же, как днища корзин. Пасечники неразличимы. Маски защищают их лица не только от пчел, но и от постороннего взгляда. Трудно согласиться с мнением о том, что «для Брейгеля неразличимые, без-

Рис. 3. Пчеловоды.

ликие фигуры пчеловодов, обладали особенной притягательностью» [1, с. 71]. Этот рисунок был сделан в то время, когда Брейгель работал над одной из своих самых трагичных картин «Притча о слепых», которая явилась итогом его анализа способности людей видеть и быть видимыми, анализа их физической и духовной слепоты. Каков внешний и внутренний облик человека, и что делает людей безликими — вот вопросы, которые занимали Брейгеля и на которые он пытался ответить рядом своих произведений.

Глядя на пчеловодов, мы не можем узнать, молодые они или старые, красивые или нет, добрые или злые — ничего. Все скрыто. Это — люди без лиц, без черт, без выражения лица, без признаков.

Замечательный японский писатель XX в. Кобо Абэ в романе «Чужое лицо» сказал, что лицо, выражение лица — это тропинка, связывающая этого человека с другими.

И вот, глядя на пчеловодов, нарисованных Брейгелем, мы этой тропинки не находим, связь с нами порвана.

Рисунок Брейгеля глубоко метафоричен.

Пчеловоды не могут или не желают общаться с нами — зрителями, и их внутренний мир, их переживания, их настроение и намерения, о которых мы могли бы догадаться по выражениям их лиц, замурованы под масками. В корзинах таится мир пчел, а под масками таится мир пасечников. Их анонимность идеальна, а потому опасна. Эти люди — невидимки. И как бесследно растворяется человек в толпе себе подобных и исчезает как личность, так и под одинаковыми масками для нас (для посторонних!) утрачивается индивидуальность каждого из людей, даже если их всего трое. Надев одинаковые маски, они в нашем восприятии невольно объединяются, т. е. мы подспудно вследствие их одинаковости воспринимаем их как нечто единое, как неведомое существо о трех головах с неизвестными инстинктами. На что или на кого смотрит, оглянувшись, пчеловод слева? Почему он так настороженно охватил рукой корзину с ульем, как бы отстраняя ее от чьих-то чужих рук? Похоже, что он от кого-то отходит. От кого и почему? Справа валяется брошенное улье. Не второй ли пасечник его бросил? И чем обусловлена его такая осторожная поступь? Куда и за чем он идет?

И, несмотря на то, что каждый из пасечников занят своим делом, благодаря их одинаковости, нам чудится, что между ними утвердились таинственные связи сговора. Есть что-то гипнотическое в жизни под маской. Пьянящее, наркотическое ощущение особой жизни многократно усиливается, когда человек, закрытый маской, знает, что в маске не он один, а множество, и все маски одинаковы и неразличимы. Пасечники защищены не только от укусов пчел, но и от «укусов» чужих взглядов. Рождается чувство вседозволенности и ненаказуемости, провоцирующее поступки, которые для людей с лицами, открытыми для узнавания, непозволительны. Вместо я — мы. Ответственность за мысли, за поступки или преступления растворяется в однородной жидкости одинаковых людей-молекул. В одинаковости подразумевается равенство, и ответственность равно разделяется на число участников того или иного действия. Вот почему воины любой армии имеют одинаковую форму — за ней исчезает личность, а значит и личная ответственность за насилие и разрушения. Ответ даже самому себе оправдывает совершенное: это сделали мы. Однако есть и опасность получить наказание не за свой поступок, а за поступок неотличимого от

тебя другого. Ощущение этой опасности мы не прочтем в выражении лица, но можем почувствовать, например, в походке, в повороте головы. Сложна и таинственна жизнь под маской. Можно согласиться с впечатлением, что изображенные на рисунке пасечники — персонажи из другого мира [2, с. 70]. Нам внешним зрителям они внушают опасение.

Но, зная, что иносказательный изобразительный язык Брейгеля не всегда удастся однозначно перевести на язык наших впечатлений, допустимо предположение: а не нас ли самих условно изобразил Брейгель? Разве мы, выходя из дому, не надеваем на лицо маску, такую же, какую надевают другие? И только очень редко мы можем вдруг заметить человека, который поразит нас «лица необщим выраженьем».

Пчеловодство — какое мирное занятие! Однако как тревожно смотреть на этих зашоренных людей. «Пчеловоды» на рисунке Брейгеля — кто они, что за существа скрыты под их одинаковым обликом?

«...Того, кто украл гнездо, называют»... Какая злая ирония! Да, «того» можно и назвать и наказать — его знают, его лицо открыто. Человек же под маской может позволить себе многое — не только незаметно усмехнуться, но может и убить — назвать его не смогут, а значит, не смогут и наказать! Скрыв свои лица под одинаковыми масками, надев одинаковые халаты и одинаковые башмаки, «пасечники» обличились в «форму», создав абсолютную одинаковость, лишившую нас зрения, точнее сделали его бесполезным, а нас беззащитными. Надев маски, пасечники разорвали с нами отношения. Даже мысленно мы не захотим или не рискнем обратиться к ним ни с каким вопросом. Глядя на пасечников рисунка Брейгеля «Пчеловоды» мы испытываем неприятное чувство тревоги.

Как хорошо, что мы в разных пространствах!

Литература

1. *Хаген Роз-Мари и Райнер*. Питер Брейгель Старший. Taschen: Арт-Родник, 2002. 95 с.
2. *Roberts-Jones Philippe and Françoise*. Pieter Bruegel. New York: Harry N. Abrams, Inc., Publishers, 2002. 352 p.

Статья поступила в редакцию 23 мая 2013 г.